УДК 140.8

ФУТУРСОБСТВЕННОСТЬ: ГОРИЗОНТЫ ЭПОХИ «КАМЕННОГО ИНТЕРНЕТА»

Орехов Андрей Михайлович,
Российский университет дружбы народов,
доцент кафедры социальной философии,
доктор философских наук,
г. Москва, Россия.
E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Неугодников Алексей Павлович,
Российский университет дружбы народов,
соискатель кафедры социальной философии,
г. Москва, Россия.
E-mail: neugodnikovap2016@yandex.ru

Аннотация
Статья посвящена футурсобственности как собственности эпохи «Каменного Интернета». Современная собственность испытывает следующие тренды в своей трансформации: стирание граней между общественной и частной собственностью; усиление значения новых типов собственности, в частности, интеллектуальной собственности и собственности на человеческое тело, возрастание интеллектуальной составляющей футурсобственности в целом; усложнение структуры собственности, приобретение ею сетевого характера.

Ключевые понятия:
собственность,
футурсобственность,
«Каменный Интернет».

Проблема собственности – одна из ключевых для будущего постиндустриального общества, которое один из авторов этой статьи обозначил ранее в своей классификации исторических типов общества как эпоху «Каменного Интернета» [9]. Эта эпоха примерно соответствует той эпохе, которую большинство исследователей обозначает как эпоху «постиндустриального общества», «информационного общества» или «общества знаний»[1]. Но с точки зрения авторов этой работы, нашу современную эпоху, – если быть более точным и менее притязательным, – следует все же рассматривать лишь как первую ступеньку движения к некоему гипотетическому будущему – эпохе «Золотого Интернета», и ее скорее следует именовать не каким-то мистическим «постиндустриальным» или «информационным» обществом, а эпохой «*Каменного Интернета» (the Stone Internet)* со всеми вытекающими отсюда логическими последствиями. Человечество на современное этапе – это лишь *неандертальцы* (или, если угодно, *кроманьонцы*), выделывающие примитивные *каменные орудия* (типа Microsoft Office или Apple) и с ними последовательно и постепенно толкающие себя и свое общество в новый, «медный век», эпоху «*Медного Интернета*» (хотя найдена ли еще та «медь» вообще?). Но когда эта эпоха наступит, и когда она сменит нашу эпоху «Каменного Интернета», пока сказать ничего конкретного нельзя.

Отличительная черта современной эпохи, эпохи «Каменного Интернета» – это не только признание знания и информации основным экономическим ресурсом, но и **признание** факта ускорения инноваций (пусть еще «каменных»), а также общее указание на усиление текучести, мобильности экономических факторов и человеческого капитала на беспрерывное появление новых сетей и взаимодействий, на непрекращающийся «водоворот» материального и духовного, приводящий к ускоренной смене технологических артефактов и идей, эти артефакты порождающих:

«Корни текучей современности – это технологические новации. Люди оказались вовлеченными в бесконечную гонку за новинками электронного рынка, которые появляются столь же стремительно, как устаревают их когда-то совершенные прототипы. … Окружающие нас вещи стали слишком эфемерными, хрупкими: их жизнь слишком коротка, подобна сезонной моде.

[1] Напр., обзор основных концепций «общества знаний» можно найти у А.О.Карпова [5].

Вещи уже не могут быть маркерами идентификации, они не способны более быть материальной основой идентичности. …Все происходит слишком быстро: не успеваешь изучить все функции своего нового телевизора или телефона, как выясняется, что он уже устарел и модель новой серии соблазнительно смотрит на тебя с рекламной картинки» [3, с. 20].

Естественно, что в этот оборот так или иначе вовлечен такой ключевой экономический и социальный институт, как собственность.

Сначала отметим несколько принципиальных моментов, касающихся нашего понимания института собственности:

1) *собственность – это конкретно-исторический способ присвоения материальных и духовных благ; это владение, пользование и распоряжение этими благами; это пучок прав или функций, определяющий доступ к каким-либо активам или ресурсам.*

Подобное определение собственности отражает междисциплинарный подход к этому институту – философский, социологический, экономический и исторический. В меньшей степени здесь задействован юридический подход к собственности (право собственности), с которым особенно трудно согласиться, когда речь заходит об интеллектуальной собственности;

2) *частная собственность – это присвоение объекта собственности одним субъектом, – причем это может быть как одно физическое лицо, так и одно юридическое лицо (фактически – группа лиц). Даже если физические лица не создают какой-либо правовой структуры, но присваивают какое-либо имущество сообща, их собственность также рассматривается как частная собственность. Общественная собственность – это присвоение собственности обществом в лице государства или инкорпорированных в это государство других социальных образований. Сюда же может относиться и собственность общественных организаций, не имеющих прямого касательства к государству: это могут быть религиозные, этнические, профессиональные, спортивные (и прочие) общественные объединения.*

Соотношение между частной и общественной собственностью может быть представлено в следующем виде: они есть понятия с *частично пересекающимся объемом (содержанием)* или, говоря проще, *понятия, частично совпадающие между собой.* Поле их пересечения – *групповая собственность* во всех ее видах – кооперативная, коллективная, акционерная и т.п.;

3) собственность также может быть поделена на (а) интеллектуальную, (б) вещественную, (в) собственность на управление – это так называемая «фундаментальная парадигма» собственности, разработанная одним из авторов этой статьи [10].

Интеллектуальная собственность – это собственность на любое знание и информацию, на любую идею, на любое духовное имущество. Вещественная собственность – это собственность на любое вещественное (материальное) начало; владение, распоряжение и пользование любой «вещью» как сгустком материи. Вещественная собственность бывает двух типов: «собственность на тело» (телесная) и «собственность на предметы, внешние по отношению к телу» (предметная). Собственность на управление – это есть владение функцией управления, присвоения процесса управления как объекта собственности.

Исследуя футурсобственность как собственность эпохи «Каменного Интернета», мы хотели бы получить ответы на несколько вопросов:

1) Насколько изменится содержание собственности и, следовательно, её сущность: способы присвоения, обмена, распределения и т.п.?

2) Какая собственность будет иметь приоритет в будущем: частная или общественная? Как будет соотноситься между собой частное и общественное присвоение?

3) Каким будет соотношение типов собственности с точки зрения «фундаментального подхода» – т.е. соотношение между собой интеллектуальной, вещественной и управленческой собственности?

4) Как изменится в эпоху «Каменного Интернета» роль интеллектуалов как интеллектуальных собственников, и каковы будут их взаимоотношения с другими социальными слоями?

5) Как будут решаться в будущем обществе три классические проблемы собственности: проблема эффективности в ее использовании, проблема справедливости в ее распределении и, наконец, проблема свободы в ее обладании?

Наша аргументация относительно футурсобственности будет включать в себя семь основных тезисов по указанным выше пяти вопросам, – поскольку ответы на некоторые из вопросов будут включать по два тезиса.

Первый тезис, возможно, покажется немного *тавтологичным*, но звучать он бу-

дет следующим образом: «*Собственность в будущую постиндустриальную эпоху также останется собственностью – важнейшим социальным институтом, регулирующим экономические и социальные отношения между людьми*». Ни о каком «конце собственности» (подобно «концу истории», провозглашенному Ф. Фукуямой) пока что и речи не может быть; ей (собственности) совершенно не грозит никакое обобществление или превращение в квазисобственность, собственность-фикцию. Наоборот, роль и значение собственности в постиндустриальную эпоху будет возрастать, в оборот войдут новые типы собственности, еще полнее и глубже будет разработана законодательная база всех потенциально возможных «собственнических» отношений, а также, что не менее важно, еще более значительной станет роль традиции и морали в регулировании различных аспектов взаимодействия внутри собственности и между собственниками.

Аргументируем этот тезис. Появление новых типов собственности мы связываем с дальнейшим прогрессом науки и техники, а также с совершенствованием законодательства, устранением «правовых вакуумов» в регулировании оборота тех или иных интеллектуальных или вещественных объектов. Прежде всего, мы предполагаем, что последующий прогресс медицины и биологии принудит законодателей ввести в правовой оборот понятие «собственности на человеческое тело», которое объединит в себя такие понятия, как «собственность на человеческие органы», «собственность на эмбриона (зародыша)», «собственность на клетки, предназначенные для клонирования и взращенные из них объекты (клоны)» и т.п. *Человеческое тело всё в большей и большей степени будет становиться предметом правового и морального регулирования, а права на него как на собственность будут и дальше усложняться и специфицироваться.*

Моральных и правовых проблем в области регулирования «собственности на человеческое тело» сейчас уже хватает через край. Например, это проблемы суррогатного материнства, экстракорпорального оплодотворения, абортов (и вытекающее из последних искусственное уничтожение человеческого эмбриона) и т.д. и т.п. Остается до сих пор неопределенном юридический статус эмбриона (зародыша) человека и, как отмечает И.А. Иванова, «перед юристами стоит непростая задача по определению правового положения эмбриона (плода) человека на основе современных достижений ученых» [4, с. 134]. Не менее остро проблема телесной вещественной собственности проявляет себя в трансплантологии. Как указывает В.И. Колотаева, для того, чтобы решать вопросы собственно с пересадкой органов от человека к человеку, необходимо сначала «решить вопросы организационного и мировоззренческого характера для закрепления в общественном сознании идеи о полезности трансплантации для всего общества» [7, с. 108][2].

Некоторые авторы из существования (пусть официально юридической наукой и не признанного) «собственности на человеческое тело» выводят существование таких экзотических типов собственности, как «эротическая собственность», «сексуальная собственность» и «брачная собственность». Например, понятие «эротической собственности» вводится Р .Коллинзом. Он утверждает буквально следующее:

«Если собственность представляет собою скорее социальное отношение, чем саму по себе вещь, тогда есть смысл взглянуть на любовь и секс как на формы собственности. Ключевой вопрос собственности – это право обладания, право лишать обладания этим и желание общества поддержать эти права. Самой сердцевиной брака является собственность именно в этом смысле» [2, с. 532].

Р. Коллинз также рассматривает как весьма востребованные понятия «сексуальная собственность» и «брачная собственность» как формы «эротической собственности». По его мнению, «брак в нашем обществе – это контракт между двумя людьми на приобретение эксклюзивных прав на сексуальное обладание. Выражаясь имплицитно, они производят друг с другом обмен своими телами как сексуальной собственностью» [2, с. 532].

Другой тип собственности, чье значение (и как экономического, и как правового объекта) в будущем значительно возрастет, – это интеллектуальная собственность. Последняя давно уже «переросла» рамки юридического института авторских

[2] Автор данной статьи приводит цифры, указывающие, что потребность в трансплантации органов в современной России удовлетворена лишь на 10–15%!!! [7. Прим. к с. 101]. И это создает серьезную опасность коммерциализации процесса трансакции органов, превращения их в «рыночную собственность», которую можно продать кому угодно и как угодно. Впрочем, как известно, «черный рынок» органов человеческого тела давно стал реальностью в новой экономике XXI века.

и патентных прав и настоятельно требует пересмотра всех традиционных правовых, экономических и философских представлений о себе. К ближайшим задачам следует отнести введение в правовой оборот *научной интеллектуальной собственности* (как собственности на «научные открытия» хотя бы в сфере естественных наук[3]), признание «квалификации» и «образования» как разновидности интеллектуальной собственности, закрепление за лицом, профессионально занимающимся интеллектуальным трудом, права на *преимущественное присвоение* созданных им новых идей и концепций (как внутри, так и вне рамок юридического института интеллектуальной собственности).

Немалые трудности здесь, в частности, создает защита авторских прав в сети Интернет и, вообще, всякое тесно связанное с глобальной сетью существование различных форм интеллектуальной собственности. Например, известный исследователь С.А. Бабкин пессимистически настроен относительно возможного потенциала Интернета в решении этой проблемы:

«Интернет – это такая инфраструктура массовой культуры, которая на техническом уровне делает на порядок более эффективной продажу объема информации, а не конкретного произведения. Интернет по своей природе находится вне действия авторского права. Теоретически можно, конечно, применять к нему и существующие, и модифицированные нормы авторского права. На деле это не приведет к какому-либо эффекту. … Нынешняя архитектура Интернета чрезвычайно враждебна для эффективного регулирования со стороны авторского права» [1, с. 350–355].

Вероятно также предположить, что несмотря на *дальнейшее усложнение* правовой структуры различных типов собственности в постиндустриальную эпоху, значение правого регулирования относительно некоторых видов имущественных отношений будет уменьшаться, так как юридическое регулирование всегда связано с увеличением трансакционных издержек, и многие собственники будет стремиться решить имущественные споры *полюбовно*, не прибегая к закону, а используя моральные прецеденты и силу традиции[4].

Вторым тезисом нашей статьи будет следующий: *эпоха противопоставления частной и общественной собственности завершилась*. Противоречие «частного» и «общественного» в собственности перестало быть *антагонизмом*; всякая будущая собственность будет нести в себе как элемент частного, так и элемент общественного. Позволим себе в связи с этим перефразировать Канта и сформулировать следующее утверждение: *«Частное без общественного в футурсобственности несправедливо, общественное без частного в футурсобственности неэффективно»*.

Действительно, эпоха «Каменного Интернета» – это *эпоха стирания граней между частной и общественной собственностью.* Отчасти (только отчасти!) это связано с тем, что и частная, и общественная собственность имеют тенденцию перегруппировываться и превращаться в нечто «среднее», в различные формы «групповой собственности». Уже к концу прошлого века стало очевидно, что достижение максимальной экономической эффективности без частной собственности и рожденных ею стимулов к инновациям и расширению производства является de facto невозможным; только частная собственность в различных ее модификациях способна оградить общество от «уравниловки», «безразличия к труду» и «производственного консерватизма и рутины». «Эффективная экономика» и «частная собственность» – два понятия, абсолютно неотделимые друг и друга: только экономика, основанная на частной собственности и частном интересе, способна быть эффективной; причины же, вызывающие к жизни общественную собственности, диктуются необходимостью общественного «обуздания» стихии рыночной экономики и моральным долгом защиты от этой стихии наиболее слабых и угнетенных членов общества.

Третий тезис – футурсобственность будет иметь *сетевой характер* – в духе теории «сетевого общества», разработанной испанским экономистом М.Кастельсом [6].

Согласно Кастельсу, «сетевое общество» – это общество, основанное на такой форме распределения знания и вещества, где средства производства новых ресурсов составляются «путем пересечения сегментов автономных систем целей» [6, с. 174], т.е., говоря другими словами, сетевое общество устроено по принципу децентрализованной сети, где каждая ячейка (или единица) функционирует как бы сама по

[3] Напомним, что в СССР, к примеру, существовала государственная регистрация научных открытий.

[4] Вывод основан на «теореме Коуза» (Рональд Коуз – крупнейший американский экономист, представитель неоинституционализма, лауреат Нобелевской премии).

себе, но, образуя общую с другими ячейками (или единицами) структуру, способна придавать сети функции *интегрального целого*.

И снова, возвращаясь к проблеме Интернета, следует указать, что Интернет – это *классический пример* такой сети. У этой сети, как таковой, нет собственника, и любой элемент этой сети может функционировать как автономно, так и во взаимодействии с другими элементами. Сетевая структура – это самоуправляемая и саморегулируемая структура без управляющего центра, способная безгранично развиваться и «размножаться», не теряя при этом своих качественных свойств. Постулат о существовании «сетевой собственности» в настоящем и будущем можно было отчасти вывести из нашего предыдущего пункта аргументации. В условиях доминирования корпоративной («групповой» в широком смысле) собственности, огромного многообразия ее форм и большой «размытости» правомочий временами практически невозможно с точностью указать конкретных лиц, отвечающих за те или иные права: скорее, перед нами имеется *многоячеистая сеть собственников,* связанных между собой определенной системой взаимных обязательств:

«Кто владелец? Кто изготовитель? Кто хозяин? Кто слуга? Эти понятия становятся всё более размытыми в условиях системы производства, характеризуемой меняющейся конфигурацией, совместной работой, созданием сетей, привлечением внешних источников, использованием субподрядов» [6, с. 502].

Основой «сетевой собственности» в постиндустриальную эпоху будет «сетевое предприятие», которое, согласно Кастельсу, «составляет материальную основу культуры в информациональной/глобальной экономике: оно превращает сигналы в товары, обрабатывая знания» [6, с. 502].

Естественно, вряд ли ярлык «сетевой собственности» можно приклеить к каждому типу футурсобственности. Речь идет в первую очередь о тенденции, присущей значительной части имущества будущего, – как интеллектуального, так и вещественного. Следует предположить, что первый вид имущества (интеллектуальная собственность) более подвержен такой трансформации, и он может сыграть роль своеобразного «ледокола» на пути к «сетевой экономике» и «сетевому обществу».

В качестве четвертого тезиса относительно характера футурсобственности мы хотели бы выдвинуть следующее положение, – правда, уже несколько ставшее банальным: *ведущую роль в будущем постиндустриальном обществе будут играть интеллектуальная собственность и интеллектуальный капитал.*

Вытеснение вещественной составляющей на постиндустриальном этапе эволюции социума будущего, однако, не следует понимать *в абсолютном смысле* – так, будто бы отрасли материальной сферы уменьшают свой совокупный объем производства, и каждый человек получает всё меньшее количество материальных благ. Наоборот, отличительной чертой постиндустриального общества является как раз *резкое повышение* количества материальных благ, приходящихся на долю каждого индивида, а также улучшение их качества и, что особенно важно, *относительное и абсолютное их удешевление* для каждого отдельного человека: он их может покупать *всё больше и больше* по *всё меньшей и меньшей* цене. Естественно, что для разных вещественных товаров эта закономерность действует в неодинаковой степени: одно дело – земля и недвижимость, другое – компьютеры, автомашины, бытовая техника, товары широкого потребления, продукты.

(В связи с этим можно даже поставить вопрос о *расточительном*, явно *сверхизбыточном* производстве вещественной собственности в постиндустриальном обществе. В то время, как страны третьего мира, например, испытывают острый недостаток в первостепенных потребительских товарах, постиндустриальные государства производят их в масштабах, далеко превышающих собственные запросы. Вероятно, о каких-то мерах разумного характера (например, в форме пожертвований или даров), способных устранить данный перекос, должна идти речь в переговорах между «золотым миллиардом» и третьим миром, но в любом случае желательно, чтобы международное право собственности основывалось в большей степени на добровольных деяниях постиндустриального сообщества, на уважении к собственности и законам последнего).

Объем производства интеллектуальной собственности и интеллектуального капитала растет прежде всего в *относительном масштабе* – в процентном соотношении сравнительно с объемом вещественной собственности и вещественного капитала. При этом рост *интеллектуальной составляющей* происходит во всех

факторах производства (кроме естественных ресурсов) – и в капитале, и в труде (рабочей силе) и в предпринимательской способности. Сложность проблемы также состоит в том, что интеллектуальные блага потребляются как в частном, так и в общественном порядке, и учет последнего потребления – потребления общественных интеллектуальных благ[5] – связан с большими трудностями.

Л. Туроу в своей работе «Будущее капитализма» указывает на три основных свойства таких благ:

«Первое свойство чисто общественного блага состоит в том, что потребление этого блага любым человеком в любом количестве не уменьшает его количества, доступного для другого. В потреблении его люди не являются соперниками...

Второе свойство чисто общественного блага состоит в том, что невозможно помешать кому-нибудь им пользоваться...

Третье свойство вытекает из первых двух. Поскольку каждый может участвовать в совместном пользовании такими благами и поскольку никому нельзя помешать ими пользоваться, то у каждого есть побуждение скрыть свой реальный спрос на чисто общественные блага, чтобы не платить справедливой доли затрат» [12, с. 322].

Л. Туроу здесь констатирует лишь одну из проблем, связанных с учетом интеллектуальных общественных благ – это стремление большинства индивидов *занизить* количество потребляемых благ подобного характера, а также *уменьшить* их цену. И это действительно так: *средняя стоимость* образования, науки, культуры в глазах отдельного субъекта всегда имеет тенденцию к занижению. На примере России и некоторых других постсоветских государств хорошо видно, как эта тенденция превратилась в «объективный факт» для чиновников и парламентариев, манипулирующих расходами и тарифами в сфере образования, науки и культуры. В большинстве западных государств интеллектуалам удалось отстоять более адекватные оценки интеллектуальных услуг, а это, в свою очередь, помогает оценить более правильно рост интеллектуальной составляющей в национальном доходе и богатстве каждой постиндустриальной страны.

Перейдем к пятому тезису нашей работы. Он касается самого характера футурсобственности:

«Трансформация собственности в постиндустриальном обществе и, в частности, возрастание роли и значения интеллектуальной собственности, ведет к тому, что конфигурация футурсобственности по своей сущности всё больше и больше приближается к конфигурации интеллектуальной собственности».

Для присвоения и обмена интеллектуальной собственности характерны следующие основные черты:

а) основной способ завладения интеллектуальной собственностью – это ее узнавание, постижение, а не физическое «овладение», захват, как в случае вещественной собственности;

б) «владение» и «пользование» интеллектуальной собственностью практически *неотличимы* друг от друга, что предоставляет широкие возможности для незаконных способов ее присвоения;

в) интеллектуальная собственность всегда передается с «оставлением», т.е. субъект, отдающий такую собственность, оставляет себе ее «отпечаток», тождественный самой собственности;

г) важнейшей проблемой в генерации интеллектуальной собственности является проблема ее приоритета, который устанавливается посредством *публичной фиксации временной координаты* генерируемой или захватываемой идеи;

д) интеллектуальную собственность никогда невозможно полностью изъять у субъекта, ею владеющего, т.е. принцип реверсии (юридического возврата), применимый к вещественной собственности, неприменим к собственности интеллектуальной».

Исходя из вышесказанного видно, что «замещение частной собственности личной собственностью» на деле представляет собой *процесс возрастания интеллектуальной составляющей в футурсобственности* со всеми вытекающими отсюда последствиями: 1) футурсобственность становится более гибкой, мобильной, подвижной и «текучей», она легко изымается от ее владельца и передается другому субъекту; 2) любая инновационная футурсобственность является по-своему уникальной и потому имеет высокую цену на рынке, – что, в свою очередь, соответствует *высокой стоимости рабочей силы,* ее создающей; 3) для создания инновационной футурсобственности не требуется большого запаса вещественного

[5] Блага, которые можно потреблять исключительно коллективно, принято называть чисто общественными благами.

капитала, и это значительно удешевляет ее производство и одновременно позволяет производителю извлекать *высокие прибыли* из ее реализации; 4) *монопольное владение футурсобственностью,* – в случае, если на последнюю предъявляется повышенный спрос, – позволяет ее производителям создавать выгодные для себя условия продажи такой собственности, и также получать высокие доходы.

Трансформация значительной части собственности эпохи «Каменного Интернета» в так называемую «мобильную собственность» подчеркивается многими учеными. Например, Дж. Урри формулирует примерно возможные социальные последствия «мобильной собственности»:

«В целом появление новых каналов перемещения создает новые пространственные неравенства, поскольку они одновременно усиливают возможности тех организаций, которые способны их внедрять, и ослабляют силы тех, кто исключен из их числа. Здесь обнаруживается новая специализация социального неравенства, новые конфигурации "власти знания"» [13, с. 114].

Особое внимание Дж.Урри уделяет такому новому феномену «мобильной собственности», как *автомобильность*[6]:

«Автомобильность привела к поразительным изменениям в характере гражданского общества и что лишь анализ значения подобной мобильности может позволить начать исследовать современную социальную жизнь ... *Автомобильность* ставит мгновенное время и новые формы пространства в центр социальной жизни». [13, с. 271–272].

Обратимся теперь к решению четвертого вопроса, поставленного нами в начале этой статьи: *как изменится в эпоху «Каменного Интернета» роль интеллектуалов как интеллектуальных собственников, и каковы будут их взаимоотношения с другими социальными слоями?*

Надо сказать (и это будет шестой тезис нашей работы), что существуют различные, порой даже противоположные, точки зрения на этот вопрос. Одни исследователи настроены весьма оптимистично и полагают, что интеллектуалы станут частью «креативного класса», который будет определять тренды глобальных трансформаций эпохи постиндустриализма, другие, наоборот, полагают, что собственники вещественных ресурсов и управленцы будут сейчас и далее дискриминировать и эксплуатировать интеллектуальных собственников. В таком случае интеллектуалам как интеллектуальным собственникам грозит участь стать частью «прекариата» – нового *низшего* класса современности.

В частности, Ж.Т. Тощенко дает такое определение этому классу:

«Прекариат – принципиально новое образование, означающее наличие социального слоя, который олицетворяет отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества значительных социальных групп, испытывающих особенно изощренные формы эксплуатации их труда, их знаний, их квалификации. .... В эти группы входят те, кто постоянно (!) занят временной, эпизодической работой, вовлечен в теневой или «нелегитимный» сектор рынка труда, вследствие чего эти люди имеют урезанные социальные права и обладают ущемленным социальным статусом» [11, с. 3].

Противоположную точку зрения высказывает Р.Флорида. Он считает, что интеллектуальный труд (и, в первую очередь, труд *творческого характера*) трансформирует интеллектуалов в одну из страт «креативного класса», который должен быть, безусловно, наверху социальной лестницы:

«Основная особенность креативного класса заключается в том, что его представители заняты работой, главная функция которой – *создание значимых новых форм.* ...Суперкреативное ядро нового класса включает ученых и инженеров, университетских профессоров, поэтов и писателей, художников и актеров, дизайнеров и архитекторов, равно как интеллектуальную элиту современного общества: публицистов, редакторов, крупных деятелей культуры, экспертов аналитических центров, обозревателей и других людей, чьи взгляды формируют общественное мнение. Кем бы они ни были по профессии, – программистами, инженерами, архитекторами или кинорежиссерами, – творческий процесс поглощает их целиком. ... Люди, принадлежащие к ядру креативного класса, занимаются подобными вещами на регулярной основе, – именно за это им платят деньги» [14, с. 86].

У «креативного класса», по мнению Р.Флориды, есть ключевые ценности, которые утверждают его в качестве ведущей силы постиндустриальной эпохи: 1) стремление к индивидуальному своеобразию и

[6] Естественно, следует заметить, что тема так называемой «автомобильности» в трактовке Урри не столь актуальна для России, как, например, для Западной Европы и США.

самоутверждению; 2) меритократию, т.е. высокую оценку личных способностей человека; 3) разнообразие, открытость, мобильность [14, с. 95–97].

В *седьмом (и последнем) тезисе* мы вспомним наш последний вопрос относительно характера футурсобственности, заданный нами в начале этой статьи, и попробуем дать на него краткий ответ.

Будет ли распределение собственности в будущем достаточно эффективным с экономической точки зрения?

Вероятно, да. Главными препятствиями для эффективного распределения прав собственности являются бюрократия, слепая вера в авторитет, тоталитарные принципы управления, милитаризм и т.п. Но всё это по своей сущности отторгается постиндустриальным обществом. Другое дело, что некоторые вызовы и угрозы современности (терроризм и т.п.) могут «обюрократривать» и «милитаризировать» постиндустриальное государство, и с этим фактом надо бесспорно считаться.

Будет ли распределение ее гарантом личных свобод человека?

Общество «Каменного Интернета» по своей сущности является антибюрократическим и антитоталитарным. Интеллектуальная свобода как свобода обмена знанием и информацией неизбежно ведет к установлению политических свобод и политических гарантий прав отдельной личности. Естественно, этот процесс можно попытаться остановить (как, например, случилось в современном Китае[7]), но последствия такой «задержки» могут оказать весьма существенное влияние на темпы постиндустриальной модернизации в будущем и сильно их замедлить.

Будет ли распределение собственности в постиндустриальную эпоху справедливым?

На это вопрос мы уже фактически ответили. *Никакой тип общества, включая постиндустриальное или общество «Каменного Интернета», по своей сути не гарантирует справедливого распределения собственности.* Борьба за справедливость в сфере собственности, если ее вести достаточно последовательно, рано или поздно приводит (Карл Маркс тут был абсолютно прав!) к *полному уничтожению собственности или ее отмене.* Только выиграет ли само общество от этого? Возможно, некоторые из индивидов, которым, как известно, «терять нечего, кроме своих цепей» (прекариат и т.п.), и выиграют, а вот большинство общества, вероятно, проиграет. Поэтому, хотя и надо в принципе стремиться устранить несправедливость в распределении собственности, магистральный путь решения проблемы всё же лежит в другой плоскости: *не изменять радикально существующие отношения собственности, а стремиться путем налогообложения и прочих мер косвенного воздействия добиваться от собственников и сверхсобственников крупных социальных трансфертов в отношении неимущих и малоимущих слоев.* При этом, однако, ни в коем случае не следует подавлять экономический интерес у лиц, владеющих значительными активами в сфере собственности.

Итак, мы попытались дать ответ на вопрос о том, как будут выглядеть горизонты футурсобственности в эпоху «Каменного Интернета». Естественно, это дискурс следует углублять и далее. Его, по мнению авторов, в частности, можно и нужно связать и с разработкой проблем «пропетологии» как междисциплинарной науки о собственности, включающей в себя философию собственности, экономику собственности, право собственности и т.п.[8]. И, конечно, надо расширять наши познания о будущем, надо переходить от позитивной футурологии к негативной футурологии [9], тем самым стараясь лучше узнать будущее, лучше его предвидеть и даже, возможно, попытаться это будущее определенным образом *конструировать*.

1. Бабкин, С.А. Интеллектуальная собственность в Интернете [Текст] / С.А. Бабкин. М.: Центр ЮрИнфоР. 2006. 215 с.

2. Бергер, П. Личностно-ориентированная социология [Текст] / П.Бергер, Б.Бергер, Р.Коллинз. М.: «Академический проект». 2004. 608 с.

3. Емелин, В.А. Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения [Текст] / В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 14–24.

4. Иванова, И.А. Уголовно-правовая охрана эмбриона человека в контексте реализации репродуктивных прав его родителей [Текст] / И.А.Иванова // Вестник МГУ (серия 11 «Право»). 2014. № 5. С. 127–136.

5. Карпов, А.О. Основные теоретические понятия общества знаний [Текст] / А.О.Карпов // Вестник РАН. 2015. Т. 85. № 9. С. 812–820.

6. Кастельс, М. Могущество самобытности [Текст] / М.Кастельс. Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: ВШЭ. 1999. 640 с.

[7] Китай, впрочем, вряд ли на данный момент можно считать постиндустриальной державой: скорее он еще только начинает вхождение в постиндустриальную стадию.

7. Колотаева, В.И. Проблема «презумпции согласия» на изъятие органов и тканей человека после его смерти в законодательстве РФ [Текст] / В.И. Колотаева // Вестник МГУ (серия 11 «Право»). 2015. № 1. С. 100–109.

8. Орехов, А.М. Философия собственности как первая предпосылка пропетологии [Текст] / А.М. Орехов, М.В. Скачко // Вестник РУДН (Серия «Философия»). 2015. № 1. С. 163–175.

9. Орехов, А.М. «Каменный Интернет»: о методологии философского дискурса в свете негативной футурологии [Текст] / А.М.Орехов // Социум и власть. 2014. № 4. С. 25–30.

10. Орехов, А.М. Интеллектуальная собственность: опыт социально-философского и социально-теоретического исследования [Текст] / А.М. Орехов. М.: УРСС, 2009. 224 с.

11. Тощенко, Ж.Т. Прекариат новый социальный класс [Текст] / Ж.Т. Тощенко // Социс. 2015. № 6. С. 3–13.

12. Туроу, Л. Будущее капитализма [Текст] / Л. Туроу. Новосибирск. «Сибирский хронограф». 1999. 199 с.

13. Урри, Дж. Социология за пределами обществ: Виды мобильности для XXI столетия [Текст] / Дж. Урри. М.: ГУ ВШЭ, 2012. 335 с.

14. Флорида, Р. Креативный класс. [Текст] / Р.Флорида. М.: «Классика-XXI», 2011. 384 с.

References

1. Babkin S.A. (2006) Intellektual'naja sobstvennost' v Internete. Moscow, CentrUrInfoR, 215 p. [in Rus].

2. Berger P., Berger B., Collins R. (2004) Lichnosno-orientorovannaja socilogija Moscow, "Akademicheskiji proekt", 608 p. [in Rus].

3. (Emelin V.A., Tkhostov A.S. (2015) *Voprosy folosofii,* no. 2, pp. 14-24 [in Rus].

4. Ivanova I.A. (2014) *Vestnik MGU (serija 11 "Pravo"),* no. 5, pp. 127–136 [in Rus].

5. Karpov A. O. (2015) *Vestnik RAN,* t.85, no. 9, pp. 812–820 [in Rus].

6. Casttells M. (1999) Moguscshestvo samobytnosti / Novaja postindustrial'naja volna na Zapade. Moscow, VSE, 640 p. [in Rus].

7. *Kolotaeva V.I. (2015) Vestnik MGU (serija 11 "Pravo"),* no. 1, pp. 100–109 [in Rus].

8. Orekhov A.M., Skachko M.V. (2015) *Vestnik RUDN ("Filosofija)*, no. 1, pp. 163–175 [in Rus].

9. Orekhov AM. (2014) *Socium i vlast,* no. 4, pp.25–30 [in Rus].

10. Orekhov AM. (2009) Intellecktual'naja sobstvennost': opyt sotsial'no-filosofskogo i sotsial'no-teoteticheskogo issledovanija. Moscow, URSS, 224 p. [in Rus].

11. Toscshenko Z.T. (2015) *Sotsis*, no. 6, pp. 3–13 [in Rus].

12. Turow L. (1999) Buduscshee kapitalisma Novosibirsk, "Sibirskiji khronigraf", 199 p. [in Rus].

13. Urry J. (2012) Sociologija za predelami obscshestv: Vidy mobil'nosti dlya XXI stoletija. Moscow, GYVSE, 335 p. [in Rus].

14. Florida R. (2011) Kreativnyji klass. Moscow, Klassika-XXI, 384 p. [in Rus].

UDC 140.8

FUTURPROPERTY: HORIZONS OF THE EPOCH OF "THE STONE INTERNET"

Orekhov Andrey Mikhailovich,
Peoples' Friendship University of Russia,
Associate Professor of the Department
Chair of Social Philosophy,
Doctor of Philosophy,
Moscow, Russia.
E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Neugodnikov Alexey Pavlovich,
Peoples' Friendship University of Russia,
Degree-seeking student of the Department
Chair of Social Philosophy,
Moscow, Russia.
E-mail: neugodnikovap2016@yandex.ru

Annotation
The article focuses on the futurproperty as a property of the epoch of "the Stone Internet". The property of present days experiences the following trends in its transformation: blurring of distinction between public and private property; the increasing of the importance of new types of properties, intellectual property and ownership of the human body in particular; the increasing of intellectual component of futurproperty in general; the complication of the property structure, its acquiring a network character.

Key concepts:
property,
futurproperty,
"Stone Internet"